

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.32

На путях к националистической «симфонии»: косовский миф и сербские историки Средневековья в период югославского кризиса

Матвей Юрьевич Ломоносов,

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Российская Федерация; e-mail: m.lomonosov@utmn.ru

Ключевые слова: битва на Косовом поле, интеллектуалы и власть, косовский миф, мифопоэтическая полифония, национальная память, сербская историография, сербский национализм

Towards a Nationalist “Symphony”: The Kosovo Myth and Serbian Historians of the Middle Ages during the Yugoslav Crisis

Matvey Yu. Lomonosov,

University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation; e-mail: m.lomonosov@utmn.ru

Keywords: The Battle of Kosovo, intellectuals and power, Kosovo myth, mythopoetic polyphony, national memory, Serbian historiography, Serbian nationalism

Как пишет С.А. Романенко, «война интеллектуалов в СФРЮ, к сожалению, началась гораздо раньше войны военачальников»¹. Многие отечественные балканисты рассматривают национальные мифы и войны памяти в качестве важного фактора югославского кризиса². Разделяя сложившиеся оценки, я счел необходимым дополнить их с учетом теоретической литературы, посвященной социальной памяти и мнемоническим практикам.

Мое исследование сосредоточено на национальном мифотворчестве сербских историков, изучавших Средневековье в начале 1980-х — конце 1990-х гг., а именно на их вкладе в развитие и популяризацию косовского мифа, который признан в литературе одним из самых ярких примеров политизации истории³. Этот этно-исторический нарратив, оформившийся в XIX в., рассматривает Косово «сердцем средневекового сербского царства (империи)». Согласно мифологической интерпретации, 15 (27) июня 1389 г. на «святой земле» князь Лазарь, а вместе с ним и весь сербский народ потерпели «мученическое поражение» от «турецких полчищ», но одержали «моральную победу». «Косовские герои» оставили потомкам, обреченным судьбой на многовековое «турецкое иго», «завет Косово». Завет гласит, что сама история наделила сербов «метафизическим ядром» высоких духовных ценностей и предопределила их завершающую победу в вековой борьбе с исторической несправедливостью. Для этого сербам нужно быть готовыми к превратностям и испытаниям судьбы, а также преодолеть внутренние «неслого» и расколы, такие как «предательство» участника битвы на Косовом поле Вука Бранковича.

На мой взгляд, внимательно изучая межэтнические «войны памяти», исследователи часто преуменьшают различия *внутри* этнических групп. Поэтому, с одной стороны, моя работа рассматривает идейные противоречия внутри интеллектуального сообщества сербских историков. С другой — она показывает, почему и как внутригрупповое разноречие (полифония) приобретает «симфоническое» звучание в условиях межэтнического конфликта. Другими словами, я анализирую, с помощью каких механизмов «национальный мифологический ландшафт» все же остается «национальным» и как господствующие национальные нарративы черпают свою силу из существующего многоголосия исторического сознания.

В существующих исследованиях изучение этно-исторических мифов часто ограничивается рассмотрением самих точек зрения интеллектуалов. Однако, на мой взгляд, сложно по-

нять, как образуется внутригрупповое многоголосие и как оно трансформируется в этно-национальное единогласие без учета социального положения, институционального контекста и идеологических предпочтений мифотворцев.

Как подчеркивают теоретики, важно отказаться от понимания «национальной памяти» как всеохватывающего социально-психологического явления, как «воображаемой, целостной и непротиворечивой памяти о национальном прошлом, которую разделяют почти все» члены сообщества. В действительности, «единого, ядерного национального нарратива [...] не существует»⁴. Поэтому Д. Белл предлагает говорить о «национальном мифологическом ландшафте» как дискурсивном пространстве, в котором «мифы нации формируются, распространяются, реконструируются и оспариваются»⁵. При этом, сопоставляя конкурирующие этно-исторические нарративы, необходимо учитывать, что они производятся интеллектуалами, действующими в рамках социальных институтов⁶. Эти социальные факторы влияют на индивидуальный выбор человека, а его решения ограничиваются устоявшимися правилами, которые можно рассматривать в контексте институциональной истории.

Анализ историографии 1980–1990-х гг. и биографий авторов обнаруживает, что сербское научное сообщество внесло большой вклад в возрождение мифа о Косовской битве, его культивирование и распространение среди широких масс в период югославского кризиса. Однако неправильно полагать, что научные и образовательные учреждения превратились в приводные ремни государственной пропаганды. Прямое давление политического руководства в то время носило несистематический и рекомендательный характер⁷.

Отношения сербских историков, исследователей средневекового Косово в 1980–1990-х гг. характеризует скрытое противостояние трех нормативно-ценностных сообществ: партийно-югославистского, национально-патриотического и скептического. Фрагментация сербской историографии отчасти отражала традиционный спор, который возник между сторонниками «критической школы» Илариона Рувараца и

«романтической школы» Пантелии Сречковича еще на рубеже XIX–XX вв.

Одна группа ученых, представленная близкими партийным структурам интеллектуалами, хранила верность лозунгам югославского братства и единства. Они усматривали в средневековой истории действенный источник патриотического воспитания, пропаганды ценностей многонациональной социалистической Югославии и борьбы против «крайностей» национализмов разных народов.

Другая группа историков придерживалась позиций сербского этнонационализма, возвеличивала этноисторический опыт и обращалась к соотечественникам с призывом следовать заветам славных предков. Ее видными представителями были по большей части филологи, культурологи, историки и антропологи из Сербской академии наук и искусств (САНИ). Сербские национал-патриоты видели себя защитниками народных традиций, блюстителями национальной памяти и идентичности и даже «спасителями нации». Методологически они сближались с интуитивистской историографией, устанавливая истину путем экзистенциального «вчувствования» в исторические обстоятельства существования героев своих работ. Как и приверженцы партийно-югославистского течения, национал-патриоты придерживались не фактографической, а социально-ориентированной модели историописания и ставили перед собой морализирующие задачи. Многие историки национально-патриотического направления активно участвовали в политике, занимая посты в оппозиционных партиях. Они критически относились к социалистической Югославии. Тем не менее важно отметить, что взгляды партийно-югославистского и национально-патриотического течений на Косовскую битву постепенно сближались, особенно к началу 1990-х гг.

Наконец, третья группа авторов текстов о сербском Средневековье, включавшая в себя профессиональных историков и правоведов, в той или иной степени разделяя национальную идею, настаивала, что достижение общих целей возможно лишь через критическое переосмысление исторического

опыта. Например, признавая «большое значение» памяти о Косовской битве для «сербского общества», один из лидеров скептического течения Сима Чиркович призывал к критическому анализу исторических источников, ставил под вопрос замыкание исторической мысли в национальных рамках и игнорирование достижений югославской историографии последних десятилетий⁸. Историки-скептики работали в обособленном от САНИ Историческом институте и на гуманитарных кафедрах Белградского и Новосадского университетов. Они ориентировались на профессионализм, «технократическую» обособленность науки от политики и идеологии, позитивизм и корреспондентскую концепцию истины.

Три нормативно-ценностных сообщества сербских исследователей Средневековья 1980–1990-х гг. происходили из рядов государственных (так называемых «органических») интеллектуалов Югославии, но руководствовались разными целями и ценностями. Тем не менее ряд социальных механизмов приводил к постепенному преобразованию внутрицеховой полифонии относительно средневековой истории Косово в националистическую «симфонию» при встрече с Другим. Внешнее политическое давление на сообщество историков имело место, однако более важную роль играли другие факторы: плотность внутриреспубликанских интеллектуальных связей, межэтническое отчуждение и укрепление социальных границ между интеллектуалами разных национальностей, и, в конце концов, непреднамеренные последствия действий ученых (особенно «скептиков»).

Исследователи нередко склонны преувеличивать роль политического фактора в формировании предвзятого «национального» взгляда на прошлое и унификации позиций историков, особенно если под политическим фактором подразумевается прямое административное давление или «примитивная схема “заказчики — исполнители”»⁹. Как демонстрирует мое исследование, важную роль в трансформации внутрицеховой полифонии сербских исследователей Средневековья в национальную «симфонию» играли иные, социальные обстоятельства. Оказавшись в этих обстоятельствах,

руководствуясь собственными целями, ценностями и интересами, не только убежденные националисты, но и приверженцы социалистического югославизма, а также «умеренного патриотизма» включались в национальное мифотворчество.

Примечания

- ¹ Романенко С.А. История и историки в межэтнических конфликтах (Югославия конца 80-х — начала 90-х годов) // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 58.
- ² См., например: Докучаева Н.А. Роль интеллектуалов в становлении современной Черногории // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 60; Колосков Е.А. Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // *Studia slavica et balkanica petropolitana*. 2016. № 2. С. 152–168; Мартынова М.Ю. Косовский узел: этнический фактор. М., 2008. С. 36–38; *Ermolin D.S. When Skanderbeg meets Clinton: cultural landscape and commemorative strategies in postwar Kosovo* // *Politička Misao*. 2014. Vol. 51. N 5. P. 157–173.
- ³ См., например: Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития. СПб., 2007. С. 479–511; Чоловић И. Смерт на Косовом пољу: Историја косовског мита. Београд, 2016. С. 9–31; *Bieber F. Nationalist Mobilization and Stories of Serb Suffering: The Kosovo Myth from the 600th anniversary of the present* // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. N 1. P. 95–110; *Popović M. Vidovan i časni krst*. Београд, 1998.
- ⁴ *Bell D.S. Mythscapes: Memory, mythology, and national identity* // *The British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. N 1. P. 74.
- ⁵ *Ibid.* P. 75.
- ⁶ *Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и “исторический поворот” в социальных науках* // *Диалог со временем*. 2010. № 30. С. 17.
- ⁷ *Marković P., Ković M., Miličević N. Developments in Serbian Historiography since 1989* // (Re) *Writing History. Historiography in Southeast Europe after Socialism* / ed. by U. Brunnbauer. Münster, 2004. P. 289.
- ⁸ *Ђирковић С. Косовска битка као историјски проблем* // *Косовска битка у историографији* / уред. С. Ђирковић. Београд, 1990. С. 109; *Idem. Уводна реч* // *Косовска битка у историографији* / уред. С. Ђирковић. Београд, 1990. С. 7–8.
- ⁹ *Кореняко В.А. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука* // *Историческая экспертиза*. 2016. № 3. С. 53.